

Суббота

1942 г. Первый день бомбардировки

В ту субботу, двадцать пятого апреля, был день рождения Вин. Воспоминания прошлого донимали Френсис весь день; и вечером, после ужина, сидя в доме матери с малышом Дэви, который дремал у нее на коленях, она просто не находила себе места. Судя по времени, уже можно было не рассчитывать, что мать мальчика, Кэрис, придет за ним. Наверняка она решила оставить его с Френсис, что бывало уже не раз. И хотя Дэви был очень худой и маленький для своих шести лет, Френсис изнывала от его близости. Крохотное тельце излучало столько тепла, что Френсис даже вспотела и стала задыхаться. Вдобавок ко всему мать включила радио и сама что-то бормотала себе под нос, пытаясь штопать рубашку при свете настольной лампы. Она наотрез отказывалась включать основное освещение во время режима светомаскировки, хотя отец Френсис позаботился о полной безопасности. Комната начала угнетать Френсис — слишком жарко, слишком тесно, слишком многолюдно...

Френсис заглянула в лицо Дэви, обмякшее во сне. Отметила бледно-сиреневый цвет его век и ощутила знакомый уже приступ тревоги за него, поскольку он всегда выглядел изнуренным.

— Я хочу выйти подышать свежим воздухом, — сказала Френсис, пытаясь сесть поудобнее, чтобы тело Дэви не так сильно давило ей на бедра.

Сьюзен, мать Френсис, резко вскинула голову.

— Что, сейчас? — спросила она с тревогой. — Да уже скоро спать пора.

— Я не устала.

— А я устала. К тому же, сама понимаешь, Дэви сразу проснется, как только ты шевельнешься, и таблетки не помогут. Ты не можешь уйти и оставить его на меня, а Кэрис наверняка уже не в лучшей форме.

Френсис подавила в себе отчаянное желание немедленно встать и выйти вон. Она с трудом поднялась со стула. Дэви зашевелился, уткнувшись лицом ей в плечо.

— Все хорошо, спи, спи, — прошептала Френсис Дэви на ухо, затем обратилась к матери: — Да, ты права насчет Кэрис. Дэви нельзя сейчас отправлять домой. Я отведу его к Лэндисам. Они еще не скоро лягут спать.

Сьюзен посмотрела на дочь с явным неодобрением:

— Это нехорошо, знаешь ли, пускать его по рукам.

— Да я просто... Я задыхаюсь. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Они уже подходили к дому Лэндисов, когда Дэви начал извиваться у Френсис в руках, потирая глаза костлявыми кулачками. Сквозь одежду она чувствовала, как поднимаются его тонкие, словно карандаши, ребра, когда он зевал.

— Тише, тише, — успокаивала его Френсис. — Сейчас мы пойдем к мистеру и миссис Лэндис, и ты побудешь у них немного. Как тебе такая идея? Ручаюсь, что миссис Лэндис угостит тебя какао.

Дэви покачал головой.

— Я с тобой, — сказал он очень тихо, как только миссис Лэндис открыла дверь.

Хозяйка уже облачилась в домашний халат, а седые волосы накрутила на бигуди, но когда она увидела, кто пришел, то расплылась в добродушной улыбке. У них с мужем не было собственных детей, и внуков им было не помянуть.

— Вас это не затруднит? Всего на пару часов? — допытывалась Френсис.

— Да конечно не затруднит! — заверила ее миссис Лэндис. — Заходи, мой ягненок. Вы можете оставить его хоть на всю ночь, Френсис, это не проблема.

— Спасибо. Он уже поужинал и принял свои лекарства.

— Френсис... — вяло позвал сонный Дэви, но ничего больше так и не сказал.

И все же Френсис поняла, что это был протест.

— Ты умница, — виновато отозвалась она.

Перед тем как дверь закрылась, Френсис успела перехватить взгляд Дэви, который тот отчаянно пытался на ней сфокусировать. Лицо его было бледным и растерянным, под глазами темнели огромные круги. Позже этот последний взгляд, брошенный ей вслеп, будет мучить ее, как и то, с какой легкостью она подавила тогда возникшее чувство вины и как просто оставила малыша в чужом доме.

Но это был день рождения Вин, и Френсис нужно было перевести дух. Она поднялась на вершину Бичен-Клифф, утеса, возвышавшегося над Батом, села на скамью и стала глядеть вниз на город, погруженный во тьму. Она даже полюбила этот режим светомаскировки с его покоем и одиночеством. И если приучить глаза к темноте и не пользоваться фонарем, то никто даже и знать не будет, где ты находишься. Ты становишься невидимкой. И не только Френсис этим пользовалась — она часто слышала в темноте парка приглушенные голоса, осторожные

шаги, сдавленное дыхание влюбленных парочек. Френсис правилось разглядывать темные силуэты предметов на фоне светлого неба и то, что звуки и запахи казались резче. При дневном свете она не улавливала ни мускусной нотки в цвете конского каштана, ни приторной сладости сирени, ни сырого духа, исходившего от травы и земли. Все это отличалось от запахов копоти, каменных мостовых и людей там, внизу, на улицах города. Она не чувствовала никакой опасности, за исключением, пожалуй, легкой тревоги, которую испытывали все жители городка каждую ночь из-за угрозы налета. Френсис смотрела с утеса на город и представляла, как другие люди проводят свои субботние вечера. Их быт, любовь, споры; их бесконечные разговоры. Это была небольшая передышка — отстраниться от всего этого. Она думала о детях и о том, что делает ребенка ребенком. Иногда во взгляде Дэви появлялось такое же выражение, как и у старика, — усталое смирение перед неизбежностью того, что должно произойти. А ведь ему было всего шесть лет, по годам — определенно ребенок, но каким-то образом он казался старше своих лет. Чем-то он походил на Вин. Френсис присматривала за ним уже два года, с тех пор как вернулась жить к своим родителям. Дэви был совсем крохой, когда его мать, Кэрис Нойл, впервые привела его к Френсис, — жалкий заморыш с расцарапанной раной от блошиного укуса на руке, в грязных полуистлевших шортах, от которого пахло застаревшими нечистотами. Кэрис не желала заботиться о своем последнем ребенке — да собственно, как и об остальных своих детях, а Френсис было трудно отказать ей в помощи. И вскоре разовое одолжение превратилось в постоянную обязанность. Три-четыре раза в неделю Кэрис без всякого предупреждения подкидывала малыша Дэви Френсис, полагая,

что лучшего времяпрепровождения для той и быть не может.

Стояла тихая и ясная ночь. Воздух был настолько теплым, что дыхание не парило. В этот день Вин исполнилось бы тридцать два года, столько же, сколько и Френсис. Каждый год Френсис старалась представить себе Вин взрослой женщиной, состоявшей в браке, имеющей своих детей. Воображала, как бы та могла выглядеть, чем стала бы заниматься, и часенько задавалась вопросом, остались бы они подружками или нет. Френсис хотелось думать, что остались бы, хотя они были совершенно разными, а взрослым дружба дается гораздо сложнее. Теперь она этого никогда не узнает. Вин пропала в августе двадцать четыре года назад, и с тех пор ее никто не видел. Она так и останется в памяти восьмилетним ребенком. И в день ее рождения образ Вин безжалостно преследовал Френсис, заполняя сознание отголосками полузабытых воспоминаний, а боль утраты становилась еще сильнее.

Восточнее замка Шам пролетел самолет, выпустив осветительную ракету. Ярко вспыхнув, она стала медленно падать. Френсис насторожилась, и тут же в городе взвыли сирены воздушной тревоги. Обычно первые самолеты появлялись между одиннадцатью и полуночью, и Френсис поняла, что просидела здесь несколько часов и даже не заметила этого. Теперь ей следовало бежать домой, чтобы вместе с матерью спуститься в подвал и всю ночь мучиться от боли в спине, лежа на жестком шезлонге, и ощущать, как с каждым часом дышать становится все тяжелее. Спать в такой обстановке было невозможно, а игра «Я — шпион» в кромешной темноте перестала забавлять еще несколько месяцев назад. В общем, перспектива была такой же радужной, как и холодные дождливые выходные. Последнее время Френ-

сис просто перестала реагировать на вой сирен, и не она одна. Много раз — сотни раз — люди прятались по подвалам, но ни одна бомба не упала на город.

Струйки лунного света скользили по Холлоуэй, старейшей улице города, пролежавшей вдоль подножия холма, затем они разливались по крыше часовни Святой Марии Магдалины, освещая крышу соседнего строения — бывшего госпиталя для прокаженных. Само здание лепрозория — узкая каменная коробка — было погружено в темноту, как, впрочем, и все вокруг. И поэтому ничто не указывало на то, что лепрозорий давно заброшен и пустует. При лунном свете можно было разглядеть его неровную, покрытую шершавой черепицей крышу, маленькие готические окна и дымоход. Чтобы заставить себя посмотреть на лепрозорий, Френсис нужно было основательно собраться с духом. Для нее это было сродни дерзновенному подвигу. И уж, совершив его, она не могла отвести взгляд. Вид лепрозория мгновенно переносил ее в детство, и путешествие это было очень болезненным. Вот и сейчас, глядя на него, Френсис не сразу услышала гул приближающихся самолетов — он нарастал медленно, постепенно перекрывая мягкий шелест листвы. Где-то на Линком-Хилл залаяла собака. И когда гул стал достаточно громким, Френсис распознала характерный двухтональный вой немецких пропеллеров, совершенно не похожий на монотонный рев британских винтов. Все в городе уже научились улавливать эту разницу.

Ночь за ночью, из месяца в месяц жители Бата прятались по подвалам, когда немецкие самолеты пролетали над городом, держа курс на Бристоль, бомбить его доки, причалы и склады. С вершины Бичен-Клифф Френсис часто наблюдала, как там, на западе, небо озарялось разрывами зенитных снарядов, и представляла, как гибнут люди в соседнем городе. Однажды шальная бомба упала возле Бата — то ли

сдали нервы у пилота, потерявшего ориентацию, то ли просто экипаж избавился от излишков смертоносного груза, возвращаясь на материк. Тогда сгорел сарай и образовалась огромная воронка, на которую все ходили глазеть. Годом раньше, в Страстную пятницу, просто ради злой забавы какой-то пилот сбросил четыре бомбы, убив одиннадцать человек в Долмитсе. Трудно было представить себе этих молодых немецких летчиков, которые, покрываясь ледяной испариной в своих кабинах, несут с собой смерть и разрушения. Френсис ловила себя на странных мыслях; ей было интересно, какие лакомства любили они в детстве, кем мечтали стать в свои двенадцать лет, каким был у них первый поцелуй — они вспоминали его с наслаждением или, может быть, с отвращением? Френсис должна была ненавидеть их, ведь иное отношение к немцам означало не любить Англию. Так было и раньше — в прошлую войну. Но тогда она сожалела об этой ненависти, а теперь гнушалась ею.

Гул двигателей нарастал. Он приближался с двух сторон — с востока, подбираясь по реке Эйвон, от Бокса, и с юга, заходя со спины. Френсис закурила, тщательно прикрывая ладонью тщедушный огонек от спички и силясь вспомнить, когда же у Дэви появилось это не по годам взрослое выражение лица. Когда его впервые оставили с Френсис, она понятия не имела, что с ним делать. Она принялась чистить морковь под навесом на заднем дворе и практически забыла о нем, вспомнив лишь тогда, когда заметила, что он смотрит на нее, выглядывая из-за дверного косяка. У него были светлые глаза, белокурые волосы и бледная кожа, перепачканная грязью. Тогда его лицо не выражало ни испуга, ни любопытства, скорее оно было полно угрюмой пытливости. Вскоре она поняла природу этой пытливости: он силялся отыскать себе что-нибудь поесть. Выражение

усталой покорности, должно быть, появилось позже. Френсис не очень-то ладила с детьми, и поначалу она просто не знала, о чем с ним говорить. Она спрашивала: «Ну как, у тебя все в порядке?» Или предлагала: «А знаешь, ты можешь пойти поиграть во дворе». И когда он ничего на это не отвечал, Френсис смущалась и даже сердилась.

Самолеты шли очень низко, так низко, что казалось: стоит только протянуть руку — и можно коснуться их. Черные силуэты заполнили все небо. Такого их количества Френсис еще не видела. В шоке от этого зрелища она выронила сигарету и, зажав уши ладонями, уставилась в небо, где, словно рой гигантских насекомых, ползли самолеты. Звуковая волна давила на грудь и заставляла сердце учащенно биться. Френсис казалось, что самолеты летят так медленно, что вот-вот начнут падать на землю. И вдруг она поняла, почему все происходит не так, как обычно, — самолеты шли не на Бристоль, а на Бат. Мирный и беззащитный Бат. Френсис была настолько ошеломлена, что просто не могла пошевелиться и сидела в полном оцепенении. И тут самолеты начали пикировать. Послышался специфический нарастающий свист падающих зажигательных снарядов, и Френсис увидела, как вспыхнули ярким пламенем один за другим несколько зданий, осветив весь город, перечеркнув все усилия светомаскировки. Затем раздался мощнейший взрыв фугасной бомбы. Последнее, что промелькнуло в голове у Френсис, прежде чем ужасный грохот обрушился со всех сторон, это образ малыша Дэви Нойла, с его белокурыми волосами, точно такими же, как у его тети Вин.

Френсис рухнула со скамейки на влажную траву и съезжилась, обхватив руками голову. Ей казалось, что она не может полноценно дышать, в воздухе что-то рвалось и визжало, земля тряслась, и она пере-

стала что-либо понимать. Это был момент животного страха — страха, который заставлял все мышцы дрожать и делал ее слабой и глупой. Френсис однажды уже испытывала подобный страх, но не так долго, как теперь; это случилось, когда она впервые увидела призрак в старом лепрозории. И ее охватил такой же парализующий страх — словно падаешь с огромной высоты и понимаешь, что жить тебе осталось всего несколько секунд. Френсис вжалась в землю, крепко зажмурилась и до боли стиснула зубы, в то время как самолеты шли волна за волной, пикируя на город и осыпая его бомбами. Казалось, этот кошмар длится уже вечность: рев двигателей, грохот и содрогание земли от мощных взрывов. Запах весенних трав и зазеленевших деревьев поглотила едкая гарь; все вокруг заволокло дымом. И когда Френсис наконец заставила себя открыть глаза, она увидела, что весь Бат был в огне. Горел газовый завод. Пылали и Холлоуэй, и улица, на которой жила Френсис, и улица ее родителей. В панике от ужасного чувства беспомощности Френсис вскочила с земли и с плачем кинулась к лестнице Иакова, крутые ступени которой вели с утеса на Александра-руд, где жила ее тетя Пэм. Это было ближайшее безопасное, как ей казалось, место, куда она могла добраться. Бросившись вниз по ступеням, Френсис услышала треск пулеметных очередей, и хотя раньше она никогда их не слышала, теперь почему-то сразу выделила из общего грохота. Она пыталась держаться темной стороны, где росли лавровые деревья и кустарники, но огонь пожарища вытеснил ночь. Где-то на середине лестницы Френсис споткнулась, потеряла равновесие и со всего маху врезалась в перила. Падая, она вывихнула лодыжку и так сильно ударилась головой, что перед глазами роем пронеслись белые всполохи. Очередная бомба упала совсем рядом. По мере приближения к земле ее свист стал на-

поминать крик банши. Затем раздался взрыв такой чудовищной силы, что на секунду-другую он поглотил все остальные звуки. Это настолько ошеломило Френсис, что она вцепилась в перила, словно они могли как-то защитить ее, и больше уже не двинулась с места. Голова у нее болела так, что казалось, будто она просто раскололась от удара. Френсис вспомнила о матери, представила, как та сидит в своем подвале и дрожит от страха. Подумала об отце, в надежде, что тот успел спрятаться в каком-нибудь общественном бомбоубежище. Потом мелькнула мысль о призраках лепрозория, но в конце концов все мысли отступили перед единственным желанием выжить.

Воскресенье

1942 г. Второй день бомбардировок

Блеклое солнце пробивалось сквозь дымовую завесу. Прищурившись, Френсис посмотрела на небо. В голове у нее стучало, и ощущения были такие, будто она слегка пьяная; мысли двигались со странной медлительностью, как высокие облака в жаркий день. Во время падения Френсис рассекла лоб, и кровь залила все лицо, но она не обращала на это внимания, просто терла ссадину, потому что та сильно зудела. Ее охватило тревожное чувство, будто она забыла что-то очень важное, и события прошлой ночи не укладывались в логическую цепочку, как Френсис ни старалась их упорядочить. Из разговоров людей, которые доносились до ее слуха, она узнала, что после первой атаки наступило короткое затишье, а перед рассветом налет повторился. Френсис же казалось, что бомбардировка продолжалась и продолжалась не переставая, бесконечно. Она очнулась на рассвете на ступеньках, на том самом месте, где упала, и медленно побрела домой.

На улице Магдалины она стала помогать команде гражданской обороны разгребать руины дома, который стоял всего в трех кварталах от места, где жила Френсис со своими родителями. От прямого попадания зажигательной бомбы строение вспыхнуло, как фитиль. Крыша, печная труба и верхний этаж провалились в подвал. Дом превратился в кучу

обгоревших головешек, со свистом испускающих струйки пара.

— Френсис, милочка, не стой как истукан! — услышала она голос своего отца Дерек и была так обрадована этому, что совсем не обратила внимания на укоризненный тон.

Чета Хинкли, которая жила здесь еще до рождения Френсис, до сих пор находилась где-то под завалом. Френсис знала, что у стариков на кухне стоял специальный стол под названием «укрытие Моррисона», но она также помнила, что оба они уже впали в детство и не покидали своей постели после предупреждения о воздушной тревоге.

На другой стороне улицы был разрушен целый ряд четырехэтажных строений Георгианской эпохи — Парадиз-Роу, взрыв сровнял их с землей. Зияющая пустота притягивала взгляд — в этом было что-то завораживающее и странное. Френсис могла видеть сквозь образовавшуюся брешь весь Бат — реку, омывающую подножие холма, аббатство и величественные здания Королевского Полумесяца на севере. Отовсюду поднимался дым.

Взяв себя в руки, Френсис приняла от отца кусок разбитой двери и передала пареньку, стоявшему за ней, по цепочке. Они пытались расчистить вход в подвал. В разборе завала участвовало не так уж много женщин; они готовили чай, ходили за водой к часовне Магдалины, где находился запасной резервуар, или просто стояли маленькими группами, вытирая своим детям перепачканные лица, и выглядели совершенно растерянными. Но Френсис была высокого роста, носила брюки, волосы стригла коротко, и люди порой забывали, что она женщина.

— Эти ублюдки стреляли по пожарным, когда те работали, — сказал Дерек, ни к кому конкретно не обращаясь. — Вот вам поганая немчура во всей красе! Не так, что ли?

— Они разбомбили штаб гражданской обороны, — добавил парнишка, что стоял позади Френсис. — Там теперь просто кровавое месиво.

— Кладбище в Олдфилд-парке тоже разворотили, — выкрикнула женщина, резво катившая детскую коляску по направлению к Хэллоуэй. — Трупы разбросаны повсюду! Тех, кого давно схоронили, — я видела их!.. Кости и все такое... — Женщина покачала головой и поспешила дальше, так и не договорив.

— Ну, мы уже не сможем помочь этим ребятам! — неуместно пошутил ей вслед какой-то мужчина.

— Тише! — крикнул спасатель, стоявший на коленях в гряде развалин. Он склонился над обломками и поднял вверх руку, требуя тишины. — Клянусь, я что-то слышал, — добавил он. — Там кто-то стучит!

В толпе зевак послышались жидкие аплодисменты.

— Давайте, парни, поднажмем!

Но когда через пару часов их наконец откопали, то оба Хинксли оказались мертвы. Лицо миссис Хинксли было совершенно белым от известковой пыли, а у ее мужа — черным от сильного ожога. Узнать их было совершенно невозможно. Френсис таращилась на тела словно в онемении; в ушах у нее пронзительно звенело, и ей казалось, что она до сих пор слышит свист падающих бомб. Ей стало дурно, и она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок.

— Френсис! — услышала она окрик матери. — Ох, Френсис, уходи отсюда, милая!

— Так кому нам сообщить об этом? — спросил один из спасателей. — Я про трупы. Кому мы должны доложить? Полиции?

Дерек непонимающе посмотрел на него и растерянно покачал головой.

Френсис закрыла глаза, ей показалось, что она просто моргнула, но когда пришла в себя, то обнаружила, что сидит на кухне у себя дома и мать мокрым полотенцем обтирает ей рану на голове.

— Ты можешь поверить? — говорила мать. — Френсис всю ночь провела на улице!

В окнах были выбиты стекла, входная дверь отсутствовала, и по комнате гулял легкий сквозняк. От дверного косяка до потолка зияла трещина. Видно было, что пол уже подметали, но пыль снова покрыла весь линолеум. Дефекты были незначительные, но они почему-то тревожили, как в странном сне.

— С передовой, так, что ли, Френсис? — раздался голос тети Пэм.

— Пэм? — заметила ее Френсис. — Ты-то как, в порядке?

Пэм бросила на нее насмешливый взгляд, и Френсис почувствовала радостное облегчение, удостоверившись, что с тетей все хорошо.

— Я-то? Естественно, в порядке. Потребуется нечто более серьезное, чем несколько фейерверков, чтобы меня прикончить.

Густые седые волосы Пэм были связаны на затылке желтым шарфом, а куртка перемазана сажей. Френсис опустила взгляд и увидела жесткошерстную дворняжку по кличке Пес, не проявлявшую никаких признаков беспокойства.

— Он тоже в норме. Хотя слышали бы вы, как он выл, когда сыпались бомбы! — сказала Пэм, коротко усмехнувшись.

— Я направлялась к тебе... — заговорила Френсис, наморщив лоб и пытаясь упорядочить мысли. — Я так думаю. Спускалась по лестнице Иакова и упала...

— А какого черта ты делала на утесе в такое время? Вот что я хотела бы знать, а? — спросила Сьюзен. — Ты сказала: «Воздухом подышать».

Пэм устало посмотрела на Сьюзен.

— Да ничего особенного, — ответила Френсис. Она не осмелилась напомнить им, что был день рождения Вин, потому что мать и так была взвинчена. — Просто сидела и думала. Наслаждалась тишиной и покоем.

Мать пренебрежительно фыркнула.

— Ну что ж, вершина утеса — подходящее место для этого, — отозвалась Пэм.

— Пожалуйста, не потакай ей, Пэм, — резко парировала Сьюзен. — Она же могла погибнуть!

— Потакать? Френсис взрослая женщина, Сью. Думаешь, остальные люди, находясь в этих зданиях из кирпича и бетона, были в большей безопасности? Я вот слышала, что в убежище, которое напротив кинотеатра на Шафтсбери-роуд, было прямое попадание и все, кто там был, погибли. Семнадцать человек.

— Пэм! — в ужасе воскликнула Сьюзен.

Она побледнела и выглядела крайне испуганной. На некоторое время женщины замолчали. Снаружи доносились звуки капающей воды, крики людей и рокот генераторного насоса. Пахло гарью и мокрым пеплом. Пес едва слышно зарычал, затем вздохнул и лег в ногах у Пэм. Он был черно-белого окраса, со слишком короткими для его тела лапами и хвостом шотландской овчарки, развевающимся, как флаг, — плод внеплановой вязки на ферме «Топкомб». Френсис принесла его Пэм, когда у той умер ее старый фокстерьер, и поначалу он ей не понравился, она даже не стала придумывать ему кличку. «Это просто Пес», — сказала она, так и закрепилось. Это было еще во время замужества Френсис. Тогда она была женой фермера, не то что сейчас — великовозрастная кукушка, вернувшаяся в родительское гнездо.

Френсис окинула взглядом хорошо знакомую кухню с ее хлипкими шкафчиками, столом, покры-

тым жестью, и древней-преддревней плитой. Ни электричества, ни газа, ни воды. На забытой сковороде сиротливо лежали три ломтика хлеба. Часы упали со стены на стол и превратились в кучку обломков. Циферблат без стрелок выглядел как перепуганная человеческая физиономия.

— Говорят, они вернутся, — сказала Сьюзен. Ее голос выдавал неподдельный страх, лицо было напряжено, глаза лихорадочно блестели.

От мокрого полотенца, которым мать вытирала Френсис голову, рана вновь открылась и заболела. Вода в миске стала розовой. Френсис закрыла глаза, ее по-прежнему не покидало ощущение, что она забыла что-то сделать. Это сводило ее с ума.

— Они прилетят сегодня ночью, — продолжила Сьюзен, — и все повторится. Нужно убираться из города — людей уже эвакуируют из центров временного размещения, сажают в автобусы и увозят. Мы поедем сразу, как только Дерек освободится. Марджери говорит, что людей размещают в баптистской церкви. Никто из нас здесь не останется, чтобы снова пережить весь этот ужас.

— Я никуда не поеду, — сказала Пэм, пожимая плечами. — Да провалиться мне на этом месте, если я позволю кучке молокососов, у которых даже еще волосы на груди не выросли, выжить меня из собственного дома.

Сьюзен бросила на нее скептический взгляд:

— Ты что, тоже крепко ударилась головой? Это не игра, Пэм, — они хотят всех нас тут похоронить. Это сумасшествие — оставаться здесь. И ты, Френсис, больше не будешь шляться по ночам, где тебе вздумается. Знаешь, люди говорят... Бог знает, чем она там занимается, — вот что говорят о тебе.

Френсис собрала с духом, чтобы ответить, но заметила, что руки у матери трясутся. Она запустила пальцы меж дрожащих пальцев матери и на мгновение сжала.

— Да все нормально, мам, — сказала она ласково. — Не волнуйся.

— Ничего не нормально! Если я потеряю тебя... — Сьюзен тряхнула головой, прерывисто вздохнула и заправила прядь светло-пепельных волос за ухо. — Френсис, если я потеряю тебя... — Не договарив, она бросила полотенце в миску и поставила ее на стол.

Френсис снова попыталась сосредоточиться, но головная боль делала мыслительный процесс совершенно невозможным. Перед глазами у нее все поплыло, и она вновь, как наяву, увидела ночное небо, освещенное оранжевым пламенем пожара и кишущее огромными черными мухами. Бомбы визжали, как раненные животные, и какие-то руки тянулись к ней. Вздогнув, Френсис очнулась — в кухню, еле волоча ноги от усталости, вошел отец.

— Дерек! Да ты всю грязь с улиц притащил! — воскликнула Сьюзен, сокрушаясь из-за оставленных мужем следов, а также кусков штукатурки и хлопьев пепла, которые сыпались с его униформы патрульного Отряда противовоздушной обороны.

Дерек устало посмотрел на жену:

— Сьюзен, дорогая, если я вот прямо сейчас не выпью чая, ты сделаешься вдовой.

Френсис встала и открыла кран, чтобы наполнить чайник, забыв, что воду отключили и газовая плита не работает.

— Вон, вода в ведре, — показала Сьюзен. — Пока придется носить ее из бака, я так понимаю.

— Ну, это не так уж и далеко, — рассеянно отозвалась Френсис, шаря по карманам в поисках спичек и не находя их. Она хотела развести огонь, но, очевидно, спички остались где-то там — на лестнице Иакова. А ведь было что-то еще — что-то ею потерянное.

— Ты уже отдежурил, да? Мы можем уехать? — спросила Сьюзен.

Дерек покачал головой:

— Что значит «отдежурил»? Нет, милая, уехать я не могу. В конце концов, нас для этого и готовили. Вы берите, что сможете унести, и поезжайте. Я позабочусь о доме, а потом пойду на Беар-Флэт, буду помогать охранять банк от мародеров. Там такая дыра, что пролезет Али-Баба и все его сорок разбойников, а...

— Беар-Флэт? Так... надолго?

— Не знаю, родная.

— Да сядь ты, пока не свалился, Дерек! — сказала Пэм, подхватывая брата под руку.

Дерек закивал, соглашаясь.

— Но они же вернуться! Они скоро вернуться! — заплакала Сьюзен.

— К этому времени вы все уже будете далеко, — сказал Дерек.

— Только не я, — поправила Пэм.

— А как же ты, папа? — спросила Френсис.

— Не волнуйся, я найду себе убежище, но уехать сейчас я просто не могу. Я действительно нужен здесь. Кстати, как твоя голова?

— Я думаю, все нормально, — рассеянно ответила Френсис.

— Нам всем просто очень повезло. А вот бедолагам Хинксли и тем, с холма в Спрингфилде... — Дерек сокрушенно покачал головой.

Френсис похолодела. Она попыталась обратиться к отцу, но слова замерли у нее на языке.

— Что? — наконец выдавила она еле слышно.

— В каком смысле «что»? — переспросила Пэм.

— Ох... — выдохнула Френсис, когда в голове у нее с ужасающей внезапностью все прояснилось. Теперь она точно знала, о чем забыла. — Дэви...

— Что? Ой! Нет... — всполошилась Сьюзен.

— Я оставила его у Лэндисов! — закричала Френсис и бросилась из дома, не обращая внимания на окрики родных.

От быстрого движения голову пронзила резкая боль, к горлу подступила тошнота, и все ее существо охватил ужас оттого, что она могла забыть про него, даже не спросила... С ее глаз наконец-то спала магическая пелена, и впервые за день она осознала весь кошмар происходящего. Трупы людей вокруг, разрушенные дома, все больше и больше. Она бежала изо всех сил и уже почти задыхалась, когда из-за холма, там, где Холлоуэй делала поворот и уходила на юг, показался Спрингфилд. Вернее, то, что от него осталось. Френсис перешла на шаг, охваченная дурными предчувствиями.

Не было ни дыма, ни обуглившихся балок или почерневших камней. Ближайшие дома, там, где жили Лэндисы, просто сложились, словно карточные домики. Вместо крыш повсюду торчали стропила, похожие на переломанные кости. Дальше таких разрушений не было, но это уже не волновало Френсис. Она остановилась, ощущая, как дрожь охватывает ее тело. Дом, где она оставила Дэви, был полностью уничтожен. Ошеломленная, она стояла, глядя на руины, пока возле нее не остановился мужчина из команды гражданской самообороны и не заинтересовался, все ли с ней в порядке. Его морщинистое лицо было покрыто копотью.

— Ты что, знала их? — спросил он.

— Где они сейчас? — машинально произнесла Френсис.

— Понятия не имею, дорогая, ты уж прости. Я слышал, что церковные склепы хотели использовать под морг, но кто знает... Они же были в подвале, мистер и миссис Лэндис, так ведь? Бомбежку пережили, все в порядке, даже переговаривались со спасателями какое-то время. А потом трубу прорвало, и вода затопила подвал... их не успели вытащить. Жестокий поворот судьбы, иначе не скажешь. Беда... — заключил мужчина и предложил Френсис закурить.